

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА АНТРОПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ (отв. ред. – Е. Г. Трубина)

© Е. Г. Трубина

ФИЛОСОФСКАЯ И “НЕФИЛОСОФСКАЯ” АНТРОПОЛОГИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ И ПРИСВОЕНИЯ (ВВЕДЕНИЕ)

Ключевые слова: социальная антропология, философская антропология, междисциплинарный диалог, дисциплинарное знание

Настоящее введение предваряет тематический блок “Антропология социальная и философская”; авторы, принявшие в нем участие, работают на стыке нескольких дисциплин: философии, социальной и политической теории, социальной антропологии. Во вводной статье приведены примеры, демонстрирующие, что для реализации прагматических интересов ученых и организаторов образования философская антропология привлекается успешнее, чем другие антропологии; это сопровождается постулированием воображаемой релевантности дисциплины. Во введении кратко прокомментированы помещенные в блок статьи Т. Щитцовой, Е. В. Миськовой, А. С. Меньшикова и Е. Г. Трубиной.

DOI: 10.31857/S086954150001473-0

Идея этого тематического блока родилась перед XI Конгрессом антропологов и этнологов в Екатеринбурге 2–5 июля 2015 г. Зная, что философов в Екатеринбурге много (есть департамент в федеральном университете) и что философская антропология преподается активно, я подумала, что предстоящее событие будет хорошей возможностью устроить в рамках отдельной секции диалог специалистов, которым интересны общие и особенные черты людей; итоги обсуждения можно было бы опубликовать в хорошем журнале. Подобные дискуссии на других конференциях организуются, и в своей статье в этом блоке я о них кратко расскажу. Сама я рассчитывала поделиться на секции опытом ведения цикла лекций “Философская антропология в диалоге с другими”, который я читала несколько лет философам УрФУ. Это был междисциплинарный спецкурс, предполагающий готовность критически сравнивать идеи и вникать в различные варианты постановки проблем.

Елена Германовна Трубина | <https://orcid.org/0000-0002-4655-2068> | elena.trubina@gmail.com | д. филос. н., профессор | Уральский федеральный университет (Ленина пр. 51, Екатеринбург, 620083, Россия)

Я нашла и нескольких докладчиков, которым также интересны междисциплинарные пересечения. Заявка на организацию секции, однако, организаторами конгресса поддержана не была, на что я посетовала на одном из круглых столов журнала “Антропологический форум”. Так об этом замысле узнала редакция “Этнографического обозрения” и решила предоставить для его воплощения страницы журнала. Объявление о готовящемся тематическом блоке я поместила на своей странице в Facebook, но содержательных предложений получила немного. Между тем мне кажется важным обсудить (что делалось в моем спецкурсе), как можно искать предназначение “человека вообще” в век культурного релятивизма, благодаря которому мы поняли, что “людей вообще” не бывает, а есть мужчины и женщины, богатые и бедные, киргизы и русские, креативный класс и “Светы из Иваново”. Необходимо взвесить сравнительные достоинства антропологии как философской дисциплины и других антропологий, прежде всего социальной (культурной), визуальной, медицинской, биологической и т.д. Это становится особенно важным, т.к. сегодня весьма популярно обращение к “нечеловеческим другим” — вещам, животным, роботам, киборгам, — для понимания того, зачем столь упорно в течение столетий философия пыталась найти надежные границы, отделяющие людей от “не-людей”. По словам американского философа Дж. Марголиса,

величайшие усилия по исправлению философских ошибок нисколько не изменили нашей обеспокоенности тем, что и лучшие усилия традиции в итоге, возможно, оказываются не пригодны ни для чего серьезного, что они не более чем блестящий самообман или даже просто раскрытие этого большого самообмана... Практически ни одному из течений европоцентристской философии во второй половине XX века не удалось заменить сильнейшие течения первой его половины — возможно, это результат травмы Второй мировой войны. К текущему моменту — а точнее, почти с самого начала XXI столетия — наш философский упадок вселил в нас неуверенность, достаточную для того, чтобы встряхнуться и начать стремиться к новому старту (*Margolis* 2007: 17).

Это обновление сопровождается осознанием необоснованности былых претензий на эпистемологические привилегии и ростом скепсиса в отношении провозглашения философией себя той областью знания, которая способна различать основания любых других.

Что философию и антропологию объединяет и что разъединяет? Как относиться к философствованию ученых-антропологов, правомерно не считающих себя философами-профессионалами, но активно использующих философские теории, аргументы и термины? Рассмотрение того, как взаимодействуют две этих огромных дисциплинарных сферы, — задача невероятно сложная, в т.ч. и потому, что мы в точности не знаем, каковы симптомы продолжающегося (или отсутствующего) их контакта. П. Бурдьё заявил, что этнография — “это полевая работа в философии”, и из этого следует, что и “народные” онтологии, и имперские эпистемологии, обнаруживаемые антропологами-полевыми, к концептуальной философской работе имеют более прямое отношение, чем принято считать. С другой стороны, ученые нередко испещряют свои тексты отсылками к Ж. Делёзу или Ф. Ницше, стремясь подтвердить ожидаемое от них владение Теорией, получить своего рода санкцию на приводимые аргументы и увеличить шансы опубликоваться. Поэтому лишь на основании находимых в антропологических статьях ссылок на тексты тех или иных философов нельзя с уверенностью утверждать, что между философией и антропологией имеет место продуктивный диалог. С моей точки зрения, более верным был бы путь прослеживания (разумеется, лишь частичного) единичных, персонализированных встреч антропологов и с философией, и с конкретными философами.

В этом небольшом тематическом блоке мы попытались установить некоторые связи между двумя дисциплинами – философской антропологией и социальной антропологией – и повести более широкое обсуждение взаимодействия последней с философией. Нас интересует, во-первых, как философия используется антропологами и, наоборот, как антропология используется философами, а во-вторых, как можно описать сосуществование философской и социальной (культурной) антропологии в общественно-гуманитарном контексте XX и XXI вв. Установление связей и налаживание диалога ведется конкретными людьми, и предметом нашего рассмотрения стали работы В. Дас и М. Шелера, И. Канта и И. Абдираловича, Х. Каструпа и У. Ханнерца и многих других.

Обсуждение попыток взаимообогащения антропологии и философии будет неполным, если оставить в стороне то, как эти сферы интеллектуальной деятельности институционализированы, и то, как в них дело обстоит с дисциплинарностью. Последняя определяется как “характерная и устойчивая взаимосвязь определенной области знания (той или иной науки в ряду прочих), специфической образовательной ячейки (особого института, факультета или кафедры/департамента) и отдельной сферы занятий (некоторой академической профессии, специальности)” (Дмитриев 2015: 507). В этом отношении и философии в целом, и философской антропологии в частности в России повезло гораздо больше, чем антропологии (см. разбор этой ситуации в статье А. Меньшикова). Кафедры философской антропологии есть (или имелись совсем недавно) в Российском университете дружбы народов, Московском, Санкт-Петербургских (классическом и педагогическом), Казанском, Уральском, Оренбургском университетах. Есть отдельные магистерские программы по философской антропологии (Высшая школа экономики, Самарский национальный исследовательский университет), и есть комплексные программы, к примеру “Философская антропология и философия культуры” в РГГУ и Омском государственном педагогическом университете. Социальная/культурная антропология представлена более скудно. Единственный в стране факультет поствузовского антропологического образования практически перестал существовать после многочисленных сложностей с продлением аккредитации Европейскому университету в Санкт-Петербурге. Есть магистратуры и профили по социальной антропологии в Московском, Томском, Уральском, Санкт-Петербургском университетах. Анализ вебсайтов философских департаментов и обмен соображениями с коллегами позволяет констатировать, что для реализации прагматических интересов организаторов образования, в т.ч. деканов и заведующих кафедрами, философская антропология используется успешнее, чем другие антропологии. В речах, обращаемых к абитуриентам и студентам философских факультетов, как и в научной продукции, преобладает следующий аргумент: “Философская антропология может помочь вам лучше разобраться в себе, а ученым – как людей исследовать”. По философской антропологии можно защитить диссертацию и стать кандидатом философских наук, а после защиты на основании полевых материалов диссертации по антропологии соискатель получает степень кандидата исторических наук, т.е. специфика его дисциплины теряется. Институциональное включение социальной антропологии в историю (в т.ч. организация преподавания антропологических специальностей на базе исторических факультетов) является следствием того, что создать систему антропологического образования в СССР и позднее в России не удалось. Но и философская антропология включена в специальность 09.00.13 “Религиоведение, философская антропология, философия культуры”. По поводу официального описания “объектов изучения в данной специальности” (“религия, человек, культура в их различных аспектах, что вызывает необходимость использования соответствующих данных конкретных наук и фило-

софского осмысления этих данных”). М. Дёмин резонно пишет, что “анонимный(е) автор(ы) пытается содержательно обосновать такое объединение, объективно имеющее исключительно организационную природу” и что “непроясненная исследовательская рамка компенсируется предельно широким толкованием предметной области специальности” (Дёмин 2015: 497).

Остроумное замечание М. Дёмина о том, что “описания специальностей часто представляют образцы демонстративной риторики, не предполагающие наличия аргументации” (Дёмин 2015: 497), я проиллюстрирую двумя примерами, почерпнутыми из российской академической жизни. Один – это первая глава учебника Б.В. Маркова “Политическая антропология”, которая называется “Проблема человека в философской антропологии” (Марков 2016: 27–49), где кроме антропологий “негативной” (Ж. Бодрийяр) и “критической” (М. Фуко) разбирается и “культурно-историческая антропология” с отсылками к идеям Ю. Хабермаса, Ж. Делёза и Ф. Гваттари и К. Леви-Строса. По мере чтения текста возникает множество вопросов. Зачем нужна “нагрузка” в виде целой главы по антропологии философской в учебнике по политической антропологии? Зачем делать философа Ж. Делёза представителем несуществующей науки под названием “культурно-историческая антропология”? Зачем ее основателем изображать социолога Н. Элиаса? Это интригующе-бессистемное сочетание упоминаний выдуманных дисциплин и случайных фамилий в учебнике по политической антропологии, имеющей свою собственную долгую интересную историю и своих достойных представителей, – только малая (и не худшая) часть масштабного производства самых разных антропологий в магистерских программах и учебных планах, журналах и статьях в высшей школе России. Популярный ресурс eLIBRARY.ru лишь об одном из классиков философской антропологии М. Шелере содержит свыше 5 тыс. публикаций, о философской антропологии в целом – 41 186 и об антропологии социальной – 63 420. Чисто количественно, как кажется, социальная антропология преобладает, но, учитывая, как произвольно между дисциплинами у нас проводятся границы, это мало о чем говорит. А вот статьи под названиями “Философская антропология скульптуры” или «Харизма и пассионарность: “общее” и “особенное” в аспектах философской антропологии» убеждают в том, что их авторы, как и авторы учебников, видят в философской антропологии способ упаковать свои идеи престижным и привлекательным способом. Не случайно, предваряя сборник “Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы”, А.Л. Елфимов сетует: в России термин “антропология” “мог означать все, что угодно, от философии до социологии, и от антропософии до астрологии” (Елфимов 2012: 7).

Мой второй пример – журнал “Философская антропология”, издаваемый Институтом философии РАН и редактируемый с 2015 г. П. Гуревичем. Предваряя первый номер, П. Гуревич в качестве “множества неожиданных превращений” философской антропологии описывает ее “распад” на необозримое число “антропологий”: политическую, культурную, социальную, педагогическую, религиозную (Гуревич 2015: 4). Такое никак не связанное с реальной историей социально-гуманитарного знания представление об истории философской антропологии дает П. Гуревичу возможность публиковать тексты о русской словесности в рубрике “Политическая антропология”, а статью о философии трагедии Н.А. Бердяева – в разделе “Культурная антропология”. Если редактор журнала, безусловно, свободен в отнесении тех или иных материалов в подходящие, как ему кажется, рубрики, то в качестве автора предисловия к выпуску журнала П. Гуревич, мне думается, мог бы свериться с какими-то источниками, прежде чем утверждать, что культурная и социальная антропологии “отпали” от философской.

Мы видим на примере книги Б.В. Маркова и журнала П. Гуревича, что продуцирование целого ряда нарративов об академических дисциплинах осуществляется в России без заботы об исторической точности. Кому будет полезен учебник по политической антропологии, если основоположники дисциплины в нем не упомянуты, но, напротив, включены те, о ком уже многое написано в другом учебнике – по антропологии философской? Чему, кроме произвольного обращения с “антропологическими словами”, научат статьи из журнала, спонсированного Институтом философии РАН? Профессиональная адаптация в рамках социально-гуманитарного знания предполагает и овладение универсалиями, и формирование личного когнитивного стиля. Эти аспекты тесно связаны с процессами проведения и поддержания границ и осмысления происходящего. Сила социального и культурного контекста определяет то, как студенты и магистранты будут мыслить. Какой контекст создается упомянутыми учебником Б.В. Маркова и журналом, редактируемым П. Гуревичем? Какой мысленный коллектив (Л. Флек) может в итоге образоваться?

Ведя в последние десять лет два курса на стыке философской антропологии и антропологии социальной в Департаменте философии УрФУ, я в ходе организуемых дискуссий пытаюсь понять, сознание принадлежности к какой профессиональной или дисциплинарной группе у студентов сформировалось, какие аргументы и тезисы они принимают в результате этой принадлежности за само собой разумеющиеся, за счет чего эта группа (если она существует) воспринимается ими как сплоченная и гомогенная и может ли источником такой групповой идентификации служить социально-гуманитарная дисциплина. Тезис о том, что именно “твоя” сфера интеллектуальной деятельности обладает “эпистемологическими привилегиями”, у студентов весьма популярен. Они рассчитывают, что ее методологические предписания и аргументы должны приниматься на вооружение другими дисциплинами, но откуда именно это следует и каковы выигрыши от такого методологического “окормления” философией, скажем, антропологии, им сказать сложно.

Интересно обсудить отношения между философской антропологией и антропологией социальной (культурной) с точки зрения эпистемологических привилегий, но особенность момента состоит в том, что свои былые прерогативы стремительно утрачивают и та, и другая. Это происходит потому, что так наз. поля STEM (Science, Technology, Engineering and Mathematics), т.е. технические и естественнонаучные дисциплины, получают наибольшее число символических и финансовых привилегий, в силу чего сокращаются ставки ученых – представителей социальных наук и гуманитариев в западных университетах, побуждая и философов, и антропологов к обсуждению ненадежности своей занятости (*Heatherington, Zerill* 2016: 41–90). Маргинализация (по отношению к упомянутым привилегиям), как мне кажется, обрачивается постулированием мнимой, воображаемой релевантности и значимости своей дисциплины, что особенно заметно в дискурсивном и институциональном самовыражении ряда философских антропологов. Тем интереснее случаи, когда контакт философии и антропологии (а также антропологий философской и социальной) происходит, а затем обсуждается. Промежуточным результатом здесь является обнаружение того, что в антропологических дисциплинарных сетях и концептуальных рамках есть многочисленные пробелы и слабые связи, что дает возможность обращения к более далеким полям и разнообразным идеям.

Татьяна Щитцова рассмотрела социально-философское эссе белорусского мыслителя И. Абдираловича (Кончевского) сквозь призму “установки современности” (М. Фуко), показав связь между всеобщим и особенным в истории модерности на примере концептуальной преемственности универсализма И. Канта и философствования на основе белорусского нациетворчества И. Абдираловича. И. Кант ис-

пользовал разбор прусской ситуации для того, чтобы сформулировать аргументы, значимые, как он полагал, для всей Европы, но и И. Абдиралович проблемы самоартикуляции и самоутверждения белорусов как нации считал универсально значимыми. Текст эссе важен и для активных белорусских дебатов о национализме и истинной белорусскости, и для внешних, как правило западных, оценок белорусской национальной идеи, ее “слабости” или “отсутствия” (*Persháí* 2010).

Елена Миськова рассмотрела проблему кооперации антропологии и философии с разных сторон: во-первых, как вопрос соотношения двух видов теоретизирования о проблемах жизни, условиях человеческого существования, об этике и морали; во-вторых, как приглашение допустить, что антропология философии далеко не всегда открыта, а поэтому не может избежать упреков в преследовании лишь чисто дисциплинарных интересов. Е. Миськова — единственная из авторов тематического блока, включившая в рефлексию эпизоды своей полевой работы, в частности, попытки побудить одного из ключевых своих информантов думать об “ускользающей современности”, а не о том, что в опыте его самого и его соседей уже застыло и кристаллизовалось. То, что заботит Е. Миськову, переключается с тем, что важно Э.Л. Столер, о которой пишу я: “схватить” не только то, что говорится, но и то, что не говорится, и в этом не всеми и не всегда проговариваемом пласте опыта найти те содержания, что и делают полевую работу драгоценной.

Андрей Меньшиков предлагает новый взгляд на фигуру М. Шелера, с которым философская антропология ассоциируется у нас в стране после публикации ключевого для преподавания этой дисциплины сборника немецких авторов (*Гуревич* 1988). В “Положении человека в космосе” М. Шелер заявляет, что “метафизика — не страховое общество для слабых, нуждающихся в поддержке людей” (*Шелер* 1988: 93). А. Меньшиков, вводя в интеллектуальный обиход неизвестное в России произведение М. Шелера “Метафизика войны”, показывает причины, по которым это и другие высказывания звучат двусмысленно (скажем, о том, что человеку присуща «никогда не утихающая страсть к безграничному продвижению в открытую “мировую” сферу» [*Шелер* 1988: 93], или о том, что “фундаментальный жизненный процесс, называемый смертью, может быть с таким же успехом вызван шоком от аффекта, как и выстрелом из пистолета” [Там же: 80]). В начале Первой мировой войны философ с энтузиазмом поддерживал военные действия, а по ее завершении стал выражать пацифистские взгляды. А. Меньшиков демонстрирует, что методология поиска сущности и природы человека не только никак не препятствовала радикальному пересмотру М. Шелером практических приоритетов в зависимости от политических обстоятельств, но и оказалась малопродуктивной перед вызовом бесконечности человеческого разнообразия.

В своей статье я продолжаю начатый в предыдущем, посвященном онтологическому повороту тексте разговор о том, что антропологи довольно легко подпадают под воздействие собственных “полупереваренных инсайтов” (*Vigh, Sausdal* 2014: 56), если эти инсайты, освоенные другими, приходят из иной дисциплины — философии, социальных исследований науки и технологии, акторно-сетевой теории. Случай с философским проектом Ж. Делёза и Ф. Гваттари (весь концептуальный скелет которого взят у антропологов Г. Бейтсона и П. Кластра), который популярен в последнее время среди антропологов, не подозревающих о его корнях, побуждает задаться вопросом о “весе” описаний, продуцированных представителями обеих дисциплин, и о том, где есть место философским обобщениям помимо философских текстов. Над этими вопросами задумывается сегодня целая группа интересно работающих антропологов, ряд идей которых я рассматриваю в своей статье в рамках тематического блока.

Научная литература

- Гуревич П. (сост.) Проблема человека в западной философии: переводы. М.: Прогресс, 1988.
- Гуревич П. Слово главного редактора // *Философская антропология*. 2015. Т. 1. № 1. С. 4–5.
- Дёмин М. Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России // *Науки о человеке: история дисциплин* / Ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 483–508.
- Дмитриев А. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // *Науки о человеке: история дисциплин* / Ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 7–39.
- Марков Б. Политическая антропология. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2016.
- Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: переводы / Сост. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
- Heatherington T., Zerill F. (ed.) Anthropologists in/of the Neoliberal Academy // *Anuac – Journal of National Association Anthropology*. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 41–90.
- Margolis J. Present Doldrums, Pleasant Prospects: Philosophy Early in the New Century // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33 (1). P. 15–34.
- Pershái A. Minor Nation. The Alternative Modes of Belarusian Nationalism // *East European Politics and Societies*. 2010. Vol. 24 (3). P. 379–398.
- Vigh H.E., Sausdal D.B. From Essence Back to Existence: Anthropology Beyond the Ontological Turn // *Anthropological Theory*. 2014. Vol. 14. No. 1. P. 49–73.

Editor's Introduction

Trubina, E.G. **Philosophical and Non-Philosophical Anthropology: Epistemological Privileges and Appropriations (An Introduction)** [Filosofskaia i “nefilosofskaia” antropologii: epistemologicheskie privilegii i prisvoeniia (vvedenie)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 5, pp. 5–12. <https://doi.org/10.31857/S086954150001473-0> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena G. Trubina | <https://orcid.org/0000-0002-4655-2068> | elena.trubina@gmail.com | Ural Federal University (51 Lenina prospekt, Ekaterinburg, 620083, Russia)

Keywords

social anthropology, philosophical anthropology, interdisciplinary dialogue, disciplinary knowledge

Abstract

The article introduces a special theme of the issue on the interconnections between social and philosophical anthropology, as well as social anthropology and philosophy more generally. The author examines how references to philosophical anthropology are used for marketing educational programs and textbooks, and promoting scholars. A broad range of related issues is discussed in contributions by T. Shchytsova, E. Miskova, A. Menshikov, and E. Trubina.

DOI: 10.31857/S086954150001473-0

References

- Demin, M. 2015 Dilemma professii: sovetskie instituty i sovremennaiia universitetskaia filosofiiia v Rossii [The Dilemma of the Profession: The Soviet Institutions and the Contemporary Philosophy in the Russian Universities]. In *Nauki o cheloveke: istoriia distsiplin* [The Sciences about the Human: The History of the Disciplines], edited by A.N. Dmitriev and I.M. Savelyeva, 483–508. Moscow: Izdatelskii dom Vyschei shkoly ekonomiki.
- Dmitriev, A. 2015. Distitsiplinarnye poriadki v gumanitarnykh i sotsial'nykh naukakh [The Disciplinary Orders in Humanities and Social Sciences]. In *Nauki o cheloveke: istoriia distsiplin* [The Sciences

- about the Human: The History of the Disciplines], edited by A.N. Dmitriev and I.M. Savelyeva, 7–39. Moscow: Izdatelskii dom Vyschei shkoly ekonomiki.
- Gurevich, P., ed. 1988. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii: perevody* [The Problem of the Human in the Western Philosophy]. Moscow: Progress.
- Gurevich, P. 2015. Slovo glavnogo redaktora [The Editor's Foreword]. *Filosofskaia antropologiya* 1 (1): 4–5.
- Heatherington, T., and F. Zerill, ed. 2016. Anthropologists in/of the Neoliberal Academy. *Anuac – Journal of National Association Anthropology* 5 (1): 41–90.
- Margolis, J. 2007. Present Doldrums, Pleasant Prospects: Philosophy Early in the New Century. *Philosophy and Social Criticism* 33 (1): 15–34.
- Markov, B. 2016. *Politicheskaia antropologiya. Uchebnik dlia vuzov* [Political Anthropology: A Textbook]. St. Petersburg: Piter.
- Pershái, A. 2010. Minor Nation. The Alternative Modes of Belarusian Nationalism. *East European Politics and Societies* 24 (3): 379–398.
- Sheler, M. 1988. Polozhenie cheloveka v Kosmose [The Human's Place in the Cosmos]. In *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii: perevody* [The Problem of the Human in the Western Philosophy], edited by P.S. Gurevich, 31–95. Moscow: Progress.
- Vigh, H.E., and D.B. Sausdal. 2014. From Essence Back to Existence: Anthropology Beyond the Ontological Turn. *Anthropological Theory* 14 (1): 49–73.